

Церковное краеведение Москвы

М.В. Артюшенко

Московский Донской монастырь в Отечественную войну 1812 г.

Статья посвящена истории московского Донского монастыря в Отечественную войну 1812 г.

На основании обширного архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, подробно описываются события, происходившие в монастыре накануне, во время и после вторжения французов. Анализируются особенности самосознания братии обители, их отношение к Отечеству, войне, французам, пожару Москвы, разорению святынь.

Ключевые слова: Донской монастырь, братия, Отечественная война 1812 г., французы, разорение храмов, пожар Москвы, архиепископ Августин (Виноградский), А.Н. Голицын, Ф.В. Ростопчин, архимандрит Иоанн (Терликов).

В начале XIX в. России пришлось пережить несколько тяжелых войн, среди которых главное место занимает Отечественная война 1812 г. Ее история представлена значительным количеством публикаций источников¹, дореволюционных и современных монографий. Менее изученным является положение Русской православной церкви в 1812 г. Особый интерес представляет состояние храмов и монастырей Московской епархии как подвергнувшихся разорению, воинскому постою. На эту тему из дореволюционных исследований стоит отметить труды секретаря Московской духовной консистории Н.П. Розанова, написанные на основании архивных материалов, воспоминаний². Отдельные факты из жизни московских обителей в 1812 г. упоминаются в исторических описаниях И.Е. Забелина³, Н.В. Дмитриева⁴, Д.С. Дмитриева⁵, И.Ф. Токова⁶, И.М. Снегирева⁷, в книгах Т. Толычевой⁸. Из современных

исследователей положение московских обителей в Отечественную войну кратко описывал П.Н. Зырянов – автор монографии о русских монастырях в XIX в.⁹ Недавняя работа Л.В. Мельниковой¹⁰ посвящена в основном положению Русской православной церкви в 1812 г., роли военного и приходского духовенства в защите православных храмов и святынь.

Московские путеводители XIX в. зачастую просто упоминают о том, что в годы войны тот или иной храм или монастырь подвергся разорению. О Донском монастыре в Отечественную войну 1812 г. в текстах путеводителей говорится несколько подробнее. Особое внимание обращалось на вклад донских казаков в восстановление Донской обители: «После 1812 года монастырь этот, ограбленный наполеоновскими солдатами, украшен донскими казаками»¹¹. Путеводители сравнивали положение Донского монастыря до нашествия французов и после, считая, что обитель еще более расцвела после перенесенных испытаний.

Основным источником по истории Донского монастыря и других московских обителей в Отечественную войну традиционно считаются отчеты, поданные в 1817 г. настоятелями архиепископу Дмитровскому Августину (Виноградскому) и опубликованные в журнале «Русский архив» в 1869¹², 1891 гг.¹³, а также отчет, представленный министром народного просвещения князем А.Н. Голицыным императору¹⁴. Именно эти документы и использовал в своей монографии П.Н. Зырянов. Положение монастырей Москвы в 1812 г. в них освещается довольно кратко. Между тем фонд Донского монастыря, хранящийся в Центре хранения документов до 1917 г. ГБУ «ЦГА Москвы», в целом довольно неплохо сохранившийся на фоне других московских обителей, содержит ряд уникальных документов по истории Отечественной войны 1812 г.¹⁵ Бесспорно, основным источником среди них является «Описание, что происходило во время нашествия неприятельского в Донском монастыре»¹⁶, представляющее собой подлинные воспоминания монахов о событиях того времени. 17 ноября 1817 г. по благословению архиепископа Августина и распоряжению настоятеля обители архимандрита Евгения (Казанцева) все монашествующие Донской обители, как оставшиеся в ней во время нашествия французов, так и покинувшие монастырь, написали свои воспоминания о войне 1812 г. Всего 18 человек. В деле сохранились 16 показаний монашествующих, довольно трудных для прочтения. Чернила сильно выцвели, в некоторых местах текст почти не виден. Это усугубляется также цветом бумаги (синяя и зеленая). Края листов обгорели. За редким исключением текст не разбит на предложения, строчные

буквы не выделены. Очень много пропущенных букв, орфографических ошибок. На основании этих текстов наместник иеромонах Ириной составил обобщенное показание, поданное 19 ноября архиепископу Августину. Позднее оно было напечатано в «Русском архиве» за 1891 г.¹⁷, причем при публикации были допущены некоторые ошибки и неточности, что удалось выявить путем сличения опубликованного текста и архивного материала. Автором настоящей статьи в журнале «Вестник церковной истории» недавно были размещены подлинные воспоминания насельников о жизни обители в войну 1812 г.¹⁸ Для характеристики положения Донского монастыря в 1812 г. эти тексты имеют большую ценность.

Мы привлекли и следующий обширный документ:

Дело по указу из Святейшего Синода о пожертвовании на составление новых сил тут же об уборке церковных и ризничных вещей, и об отрешении от должности наместника иеромонаха Иосифа, и о потерянном монастырем, братией и служителями оного, разграблении, и о возобновлении оного монастыря, и о освящении в нем церковей¹⁹.

Также мы использовали ведомость о монашествующих за 1818 г.²⁰, «Копию с отношения тайного советника, синодального обер-прокурора Его Сиятельства князя Александра Николаевича Голицына к преосвященному Августину, архиепископу Дмитровскому, от 30 октября 1817 года»²¹, рукописные исторические описания истории обители²², переписку М.И. Платова с наказным атаманом, генерал-лейтенантом Н.В. Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым (1), а также с настоятелями обители архимандритами Симеоном и Евгением, повествующую о знаменитом пожертвовании донских казаков на Донскую обитель²³.

При таком количестве существующих источников история Донской обители в 1812 г. ни разу подробно не освещалась. В первом историческом описании монастыря Н.Д. Горчакова 1812 год уже оброс легендами: в частности, повествуется, как Наполеон якобы гулял по знаменитому монастырскому некрополю и рассматривал памятники, а также выражал недовольство по поводу разорения обители и поведения французских солдат²⁴. В «Историческом описании...» монастыря И.Е. Забелина об Отечественной войне говорится лишь пара слов, между тем заметно, что данные документы автор держал в руках.

Архивные документы позволяют нам уточнить и дополнить информацию по истории Донского монастыря в 1812 г., ее реконструировать.

1 августа 1812 г. в связи с начавшейся войной с Францией из Святейшего Правительствующего Синода в монастырь был прислан указ с призывом о пожертвовании или лично от архимандрита и братии, или от монастыря деньгами, серебряными и золотыми вещами, лежащими без употребления²⁵. Настоятель архимандрит Иоанн (Терликов)²⁶, объявив этот указ братии, сообщил ей свое намерение о пожертвовании двух билетов Сохранной казны Московского воспитательного дома в размере 5 тысяч рублей каждый, призвал и монашествующих согласиться на такое пожертвование. Братия живо откликнулась:

Сим благопочтеннейше представляем, что мы, следуя расположению Вашего Высокопреподобия, яко настоятеля нашего, на пожертвование в пособие при составлении новых сил... охотно и всеусердно соглашаемся²⁷.

Братия сообщила и о трех слитках серебра, общим весом 1 пуд 51 фунт 37 золотников. Было решено пожертвовать и их. Для сравнения: Александро-Невская лавра пожертвовала тогда 20 тыс. рублей, Соловецкий монастырь – 5 тыс. рублей, Валаамский – 1100 рублей, Новоспасский – 3 пуда серебра, Симонов и Воскресенский Новоиерусалимский – по 2 пуда серебра каждый²⁸. Лично от себя архимандрит Иоанн добавил 500 рублей ассигнациями. Собранные средства и серебро были отправлены 23 августа во «2-й Комитет о пожертвованиях на образование московской военной силы»²⁹.

22 августа настоятели московских монастырей получили устное приказание от епископа Августина начать уборку в сундуки ризничных вещей. Братия выразила готовность немедленно приступить к делу, однако наместник иеромонах Иосиф начал препятствовать распоряжению, как бы не доверяя словесному приказу. Тогда 24 августа архимандрит Иоанн повелел в письменной форме убирать церковные и ризничные вещи, но наместник стал прямо сопротивляться. «...И тут от всего того отказался, почтя сие до него не принадлежащим, и даже... предписания ни читать, ни слушать не стал, без него же яко первого в хранении всего участника, и прочие ни к чему не приступили»³⁰. Настоятелю пришлось донести о поведении иеромонаха Иосифа в синодальную контору, куда он, между прочим, писал:

...наместник делается ожесточительнее, подчинения ко мне не имеет, и по его должности ни за чем в монастыре не смотрит, а ныне и крайне больным отозвался, хотя приметно, что болезнь его есть притворная³¹.

27 августа синодальная контора указала сместить иеромонаха Иосифа с занимаемой им должности и назначить нового наместника. Когда другие монастыри уже полным ходом собирали ризничные вещи, Донской монастырь потерял пять дней драгоценного времени из-за поведения наместника. Сопротивление иеромонаха Иосифа распоряжению о сборе ризничных вещей можно объяснить следующим образом. Как известно, до 1 сентября еще не было решено на военном совете, защищать ли древнюю столицу от неприятелей или же сдать ее без боя. Поэтому и генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин еще 26 августа в своей афише к жителям Москвы объявил: «Жизнию отвечаю, что враг в Москве не будет!» Даже 30 августа он писал: «Светлейший (т. е. Кутузов) говорит, что Москву до последней капли крови защищать будет», а в афише от 31 августа заявлял: «...не пустим злодея в Москву – я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних»³². Потому, возможно, наместник не думал, что Москва будет взята французами.

Только после назначения нового наместника (27 августа), которым стал иеромонах Вассиан, удалось приступить к сбору ризницы. Были собраны Евангелия, драгоценная церковная утварь и облачения, серебряные лампы, паникадило, подсвечники «и все то, что можно было взять из золотых, серебряных и жемчужных вещей. Образа со всем украшением оставлены из опасения, как уверяет отец архимандрит Иоанн, чтобы народ не встревожить»³³. Возможно настоятель распорядился не снимать драгоценные ризы с икон и не убирать сами иконы, памятуя о зверском убийстве во время чумного бунта 1771 г. около стен Донского монастыря архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского), который приказал снять Боголюбскую икону у Варварских ворот. Действительно, в то время из жителей Москвы составлялись добровольные ночные дозоры для удостоверения в том, что чтимые Москвой святые иконы не увезены³⁴. Таким образом, и чудотворная храмовая Донская икона Богоматери в драгоценной ризе была оставлена в монастыре. Были вывезены блюда серебряные и серебряные позолоченные, серебряные лжицы, ковши, лохани, блюда, стаканы, чашки, шесть кадил, тринадцать лампад для свеч, десять масляных лампад, четыре подсвечника, умывальница, лохань с рукомоильником, дикирии, трикирии, драгоценные митры, посохи, панагии, поручи и епитрахили, низанные жемчугом³⁵. С подсвечника, стоявшего перед Донской иконой Божией Матери, было снято серебра весом 70 фунтов 92 золотника.

Наконец церковное имущество было собрано. П.Н. Зырянов писал, что Донской монастырь имел собственные конюшни и по-

тому вывозил свое имущество самостоятельно³⁶. Это неверно. С архиерейского подворья в Донской монастырь было прислано пять троек лошадей, а монастырских лошадей архимандрит Иоанн приказал оставить в монастыре, чтобы в случае крайней опасности вывезти на них оставшееся ризничное имущество. Видимо, и он до конца не верил, что Москва будет сдана французам. Архимандрит Иоанн вместе с другими настоятелями монастырей выехал из монастыря 31 августа вечером на пяти повозках, приехал в Кремль, и, соединившись с ризницами прочих монастырей, выехал из Москвы в Вологду, в Спасо-Прилуцкий Дмитриев монастырь. Штатные служители Донского монастыря, кроме одного, остались при своих семействах. Руководство обозом московских монастырей было поручено члену московской синодальной конторы настоятелю Заиконоспаского монастыря архимандриту Симеону (Крылову-Платонову). Описание путешествия архимандрита Иоанна в Вологду и возвращение в Москву содержится в воспоминаниях иеродиакона (тогда еще монаха) Германа, сопровождавшего настоятеля. В частности, он писал:

Заставу проехали на солнечном восходе, начали тут направляться по назначенному тракту, третью станцию ехали, видели от Москвы пламень исходящий. <...> При всем том погода была осенняя, дождь и холод, а штатных служителей с нами не было, то принуждены были препровождать и ночное время на повозках. С того времени начали чувствовать частые болезни. Приехали в Вологду октября 5-го числа, вот, с лишком месяц ехали от Москвы до Вологды. Проживали все несчастное время в Спасо-Прилуцком монастыре, а имущество нашего монастыря хранилось в соборном храме Преображения Господня, который тогда был обгорелой³⁷.

Монашествующим было разрешено покинуть свои монастыри. В Донском монастыре тогда было 28 человек братии: один архимандрит, десять иеромонахов, пять иеродиаконов, три монаха, два вдовых священника, семь послушников³⁸. Донские монахи, несмотря на опасность, не захотели покидать свою обитель. Только при входе французской армии в Москву шесть человек выпросили у наместника паспорта и до вторжения в монастырь удалились в другие губернии в монастыри или к родственникам. Среди них – иеромонах Анатолий, иеромонах Порфирий, иеродиакон Ювеналий, послушник Михаил Михайлов. В монастыре осталось восемнадцать человек.

Отъехав с ризницей, архимандрит Иоанн поручил монастырь наместнику иеромонаху Вассиану. На содержание братии он оста-

вил по 50 рублей, а прочую сумму (3500 рублей³⁹) взял с собой. На всякий случай, настоятель также оставил наместнику еще 1500 рублей. Иеромонах Вассиан спрятал эти деньги, впоследствии был больно бит, но не признался, где они находятся.

В своих воспоминаниях захват французами монастыря описали подробно и практически одинаково все монахи. Видимо, страшные события 2–4 сентября 1812 г. навсегда отпечатались в их памяти. Монахи думали, что все они будут лишены жизни, потому вхождение французов в монастырь, разорение храмов, келий, ризницы даже спустя пять лет они помнили довольно хорошо. Особенно подробно описали вступление французов в Москву иеромонах Иероним и иеродиакон Ефрем. Последний сохранил в памяти интересные эпизоды о посещении обители донскими казаками во время прохода российских войск через город. 2 сентября, когда французы входили в Москву, из числа казаков, замыкавших российское войско от неприятеля, двое заезжали в монастырь и просили дать им образ Донской Божией Матери, который они всегда носили с собой в военных походах, но недавно потеряли в одном из сражений. Братия Донской обители передала им Донскую икону⁴⁰.

Захват Донского монастыря происходил следующим образом. Сначала 2 сентября к воротам приходили различные партии французов, просили хлеба и вина, им подавали с подворотни, но в обитель их не пускали более суток. Донской монастырь имел достаточно высокие и толстые стены и мог выдержать даже осаду. Единственным уязвимым местом была деревянная калитка у монастырских ворот. Несмотря на отчаянные попытки штатных служителей и монахов заложить ее бревнами, кирпичом, французам все же удалось через нее проникнуть в монастырь. Неприятель вошел в обитель в ночь с 3 на 4 сентября. Монашествующие и миряне заперлись в Большом соборе и просидели там всю ночь. В это время французы грабили настоятельские и братские кельи, монастырские храмы. К утру они залезли на паперть Большого собора и стали стрелять в окошко. Видя опасность, наместник приказал отпереть центральные двери и одновременно открыть боковые, чтобы дать возможность народу спастись. Некоторое количество людей успело выйти, но французы, заметив это, перекрыли все выходы. Особенным мучениям подверглись наместник иеромонах Вассиан, будущий наместник иеромонах Иринея, монах Нифонт. Иеромонах Иринея вспоминал об этом: «Начали меня бить саблями и били долгое время, и руки мне изрубили, и всего штыками искололи, что весь сделался окровавлен. Бросили меня на кладбище едва жива»⁴¹.

Из воспоминаний иеромонаха Илариона:

...и вышел один и взял... за бороду и просил: «Дай рубль». А я ему сказал: «У меня нет». То он меня прикладом оруженным ударил в голову и прошиб до крови, и лежал без чувства на полу. Потом сняли с меня сапоги и рубаху, но я вдруг очуствовался и пошел на паперть к дверям: а у дверей их французской приставлен был караул, один меня и тут пикой по ноге ударил, а другой по руке. И снесли меня с паперти, и положили между каменьев, на голову наклали мне калу лошадиного⁴².

Французы пытали монахов, надеясь найти спрятанное в монастыре золото и серебро, выспрашивали о настоятеле, куда он поехал и что с собой увез. Братия вела себя мужественно, никто из монахов не открыл им правды. Всего в монастырь тогда вошло около 200 вооруженных французов. Они забрали украденное и уехали.

Примерно через неделю по вторжении французов в Москву в Донском монастыре расположилась часть полка второй конной гвардии, около семидесяти человек; у ворот, а также у Большого собора поставили караулы. В Донском монастыре поселились два капитана: один французский, другой – греческий. Французский капитан разместился в доме настоятеля, а греческий – в малых настоятельских покоях, или викторовых кельях⁴³. По братским кельям поселились рядовые, с некоторыми стояли лошади. Братия отмечала различия в поведении народов Великой армии. Греческий капитан был милостив к монахам, обещал защитить в случае притеснения и даже разрешал им готовить на своей кухне. Французский капитан заставлял монахов разыскивать продовольствие и работать на французов: таскать тяжести, ходить в город за продуктами, носить воду и чистить навоз: «Положение было самое трудное. В раздранных рубищах, изнуренные голодом, мучены были беспрестанной работой»⁴⁴. В воспоминаниях монашествующих сохранилось множество бытовых подробностей их взаимоотношений с неприятелями. Монахи оказывали некоторое сопротивление французам, по возможности вредили им. Иеромонах Ириней вспоминал:

А бойня у них была в монастыре: кололи коров и овец, а я рыл картофель и рубил на них капусту, и клал им навоза. Потом отняли у меня лопату железную, но я упорствовал с ними, но они меня палкой раз ударили и отняли у меня. Носил я воду на кухню, но также нередко и по кельям на них печки топил (Л. 9 об.).

Иеродиакон Андрей:

...и умножилось более тиранство и мучительства работы и грабежу, а мы проживали в башне. Питались более картофелем, и тот отняли, стали из монастыря вывозить, а нам пришлось есть нечего и ходить не в чем. Носил я самой худейший полшубочек, а рубашки никакой на себе не имел, обувался в лапти. Караул их стоял у обоих ворот, и ожидали ежеминутно смерти (Л. 15).

С большим сочувствием монахи описывали страдания друг друга, но в их описаниях действий французов не видно ненависти, сквозит скорбь и боль о разорении храмов, взятии Москвы, ее пожаре. Так монах Нифонт писал:

И пришел в соборную церковь посмотреть, что делается. И увидев образ чудотворныя Донския Богоматери, что она уже из места выставлена и риза снята, и стоит на полу. Также и протчими ругаются, ризы одирают с образов и попирают своими ногами, то я от ужаса не мог на сие более смотреть, заплакавши, пошел вон. Время приходит к ночи, и я пошел на башню, и, взглянув на царствующий град Москву, и она вся стоит в пламени. Тут еще более умножился источник слез, то я от ужаса не мог и смотреть и, помолившись Богу, лег отдохнуть (Л. 25).

В воспоминаниях иеродиакона Ефрема содержатся интересные подробности о поведении французов в обители, например про поиск ими клада: «Еще на днях по монастырю искали, нет ли зарытого имущества. Однажды в недавнем времени был похоронен покойник, думали, что тут имущество зарыто. Раскопали, однако, и обманулись они» (Л. 21 об.). Иеродиакон Ефрем описал и внешний вид замерзающих французов: «Случилось мне видеть еще француза, выежающа из монастыря верхом на лошади, одет был в женский салоп, а на голове кучерская шапка». Отца Ефрема удивляло знакомство французов с почитаемыми в России святыми, в частности со святителем Николаем Чудотворцем.

Братию шокировало производимое неприятелями святотатство. Они переплавляли оклады и серебряные позументы с риз в слитки, промывали серебро у колодца, особым кнутом снимали украшения с икон, стреляли в главу церкви Архангела Михаила. Монахи не желали прерывать литургическую жизнь монастыря во время нашествия, очистили одну церковь и хотели служить часы, но тут же пришли французы и разместились там на житье.

Французы, отличившиеся жестокостью при вступлении в монастырь, проживая там, не чинили никакой обиды больному иеродиакону Осии. Он вспоминал: «...а нас называли они капуцинами, а не монахами, но я по своей болезни почасту ходил к ним в кухню на печь и лежал, то они мне не делали никакой обиды, а более жалели и говаривали: “Руска, змея люта тебя держит”, а по-русски – лихорадка» (Л. 17 об.). Иеродиакон Осия сохранил в памяти, как одиннадцать монашествующих и князь Волконский прятались от неприятелей в арке в настоятельском саду напротив пруда. Но вскоре их обнаружили поляки, больно били и запретили прятаться. Монахи вспоминали: «Замечательно то, что ни за кем не гонялись, кто вырывался из их рук и скрывался, и после не мстили за побег» (Л. 2).

Иеромонах Иероним, иеродиакон Ефрем и монах Нифонт были очевидцами посещения Наполеоном Донского монастыря, что они описали с разной степенью подробности. Иеродиакон Ефрем: «В одно время видел я въезжал Наполеон в монастырь, с... генералами. Доехал до соборной церкви, посмотрел на оную и на монастырь. Вдруг, обратясь, поехал из монастыря. А гвардия его стояла за монастырем, ехавшей с ним от Данилова монастыря» (Л. 22 об.). Монах Нифонт: «Не помню, в которое число был сам Наполеон у нас в монастыре со своими начальниками и с гвардией и, доехав до паперти соборной церкви и посмотрев на монастырь, вскоре назад уехал» (Л. 25 об.). Иеромонах Иероним записал даже шутку неприятеля по поводу приезда Наполеона: «После спрашивал я гвардейца, который был из греков: “Какие чиновники были?”. Он сказал: “Сам Наполеон для того приезжал, хотел больше поставить коннице воды, мало для водопоя”» (Л. 8).

Братия покинула монастырь только после того, как переводчики сказали, что молодых насельников возьмут во французскую армию. Это особенно испугало монахов, так как они опасались, что их заставят воевать против России. Иеродиакон Ефрем вспоминал, как монахи, узнав об этом, пели на монастырской стене, где они жили, покаянный и скорбный 136-й псалом, написанный евреями во время вавилонского плена, после падения Иерусалима и разрушения Первого Храма. Монахи видели в своем положении аналогию с судьбой израильского народа и потому плакали. Уходу насельников из обители также предшествовали следующие обстоятельства. Иеродиакон Осия писал:

Французский начальник, ни на что не взирая, начал у нас требовать пиво, вино, мастеровых людей и девок: «Вы жители здешние, вы знаете все». Но мы ему отвечали: «Хоть мы и здешние, но у нас ни на-

питков, ни девок нет». А он нам сказал: «Ежели вы мне не приготовите к утру, то я с вами сделаю по-своему». Но мы, убоявшись, в ту же ночь вдруг человек по 10 во 2-м часу за полночь из монастыря ушли (Л. 18).

Иеродиакон Андрей:

И через переводчика своего [капитан] говорить начал самые страшные приказания: если вы не успеете в скором времени представить для меня девятерых человек, то до смерти, хотя не засеку, но здоровья вас лишу (Л. 15).

С 22 по 27 сентября монастырь покинули все монашествующие, кроме престарелых ризничего иеромонаха Илариона и свечника монаха Вениамина. Таким образом, они дождались и ухода французов, и возвращения братии.

Уйдя от французов, братия испытала необыкновенную радость. Иеродиакон Андрей писал: «И так вышли в Троицкую заставу и ударились от радости бежать и больше плутили, нежели дорогой шли» (Л. 16). Монахи пробиравась в Троице-Сергиеву лавру, замерзали, не имея на себе достаточно одежды, в дороге «совершенно обголодали, питались прошением подаяния» (Л. 22). Придя в лавру, они стояли всеобщую, «пели Богу на клиросе» (Л. 16 об.). Другие монашествующие пережили тяжелые времена в Николо-Пешношском монастыре, ярославском Толгском монастыре, а некоторые – у родственников.

Узнав об оставлении французами Москвы, братия поспешили в свою разоренную обитель. В основном все вернулись в течение недели, очень немногие – через месяц. Наместник иеромонах Вассиан вернулся раньше всех, когда французы еще не вышли из Москвы. Он был пойман неприятелями, которые решили, что это казак, и снова сильно избит. Иеромонах Иларион и монах Вениамин, несмотря на свой преклонный возраст, прибежали и спасли его, уверив французов, что это их брат. Вассиан был одним из первых, кто принял на себя труд очищения храмов и территории, возобновления богослужений. Вторым вернулся в монастырь казначей иеромонах Иероним. Он вспоминал:

14 октября пришел в Донской монастырь, в коем был наместник, ризничий и монах, и некоторые служители после их. Вытащили из погреба упавшую лошадь, на коей и вывезли из монастыря двенадцать лошадей мертвых, да корову. В теплой церкви на престоле одежды и срачицы не было, и сено лежало, а вокруг престолов был кал лошадиной и коровий и навоз, также и по всей церкви, который нами был

очищен. Иконы частью расколоты и обгорелые валялись по монастырю, некоторые были истыканы, по примечанию, шомпиллом, даже глаза у Божией Матери запрестольной и Николая Чудотворца, а в Соборном алтаре был и человечесий кал (Л. 7–8 об.).

Монах Нифонт писал:

Пришел в монастырь свой, также ничего нет, всио разграблено, одни мертвые скоты и церкви полны навозу. Но только одна лошадь осталась живая в погребу, то мы ее вытащили и на ней из церквей навоз вытаскивали и вымели и потом начали служить часы (Л. 24–25 об.).

26 декабря 1812 г. в обитель вернулся настоятель архимандрит Иоанн с ризничным имуществом. Вскоре он рапортовал преосвященному Августину, епископу Дмитровскому, что из церковного имущества было вывезено в Вологду, а что подверглось расхищению. Серебряные, серебряные позолоченные, частично и медные посеребренные венцы с икон, иконостасов, а также оклады, ризы, все драгоценные украшения на них были полностью сняты неприятелями. Сами же иконостасы сохранились, лишь частично подвергшись повреждению. Французы украли и драгоценную ризу с храмового образа Донской Божией Матери; саму икону монахи подняли из кучи мусора перед солеей. Украшавшие восемнадцать богослужебных Евангелий разных форматов серебряные, финифтяные и медные оклады были сняты. Листы Евангелий были частично испорчены, частично выдраны. Дорогие закладки богослужебных Евангелий исчезли. Пропала церковная утварь и богослужебные облачения. Была утрачена медная, оловянная, фарфоровая, фаянсовая и хрустальная посуда, слесарные, кузнечные, столярные, плотницкие инструменты. Французам не хватало дров: во многих братских кельях они выломали полы, двери, рамы, перегородки, заборы вокруг келий у палисадников, вокруг монастырских садов и роц. В некоторых кельях были испорчены печи.

Преосвященный Августин запросил у настоятеля сведений, сколько денег требуется на исправление повреждений, ремонт, плату мастеровым. Архимандрит Иоанн рапортовал:

...доношу, что в сем монастыре во время нашествия неприятельского и после никакие здания сожжены и разорены не были... но из келий некоторые починками уже исправлены, а в них монашествующие размещены житьествовать без дальнего утеснения, и прочие повреж-

дения по времени починкой исправлены быть имеют монастырскими суммами наличными и впредь в монастырский приход поступить имеющими, и как ни в стенах, ни в кровлях никаких повреждений не встретилось, то и смету вышеописанным повреждениям, яко мало значущим, я чинить почел за безнужное. марта 18 дня 1813 г. (Л. 36–36 об.).

К сожалению, из рапорта архимандрита Иоанна в московскую синодальную контору также следовало, что «монастырский архив разбит, и дела разбросаны, а потому из них многих дел и документов и не отыскивается» (Л. 29).

Епископ Августин поинтересовался, все ли монашествующие вернулись в обитель и не нуждается ли кто из братии и монастырских служителей, пострадавших от нашествия, в денежном пособии. Архимандрит Иоанн с большим сочувствием и любовью рапортовал о братии, остававшейся в монастыре и много потерпевшей от французов, признав нужным выдать им и разоренным служителям денежное пособие.

Отказавшись от денежной помощи, монастырь восстанавливал все имеющиеся повреждения самостоятельно, при помощи частных вкладчиков и донских казаков, собравших от полков десять пудов серебра и 20 тысяч рублей. Из этого серебра были изготовлены драгоценные ризы на местный ряд иконостаса Большого собора, а денежные средства положили в московский Опекунский Совет. Проценты со вклада шли на украшение церквей обители⁴⁵.

В начале февраля 1813 г. были исправлены приделы великомученика Федора Стратилата и преподобного Сергия Радонежского; все было подготовлено к освящению. Вскоре были выданы новые антиминсы, и Малый собор был освящен 4 января. Придел Федора Стратилата освятили 18 февраля, преподобного Сергия – 2 марта, Большой собор – 10 августа, храм Архангела Михаила – 11 сентября⁴⁶. В 1815 г. князя Меншиковы возобновили Сретenskую церковь; она была освящена 20 мая 1815 г. Церковь Тихвинской иконы Богоматери освятили 24 июня. Разоренный храм свв. прав. Захарии и Елизаветы до революции так и не был восстановлен. По высочайшему указу в 1817 г. монашествующие и священники, «бывшие в сане священства» во время войны 1812 г., а также некоторые священники, рукоположенные после 1812 г., были награждены высочайше пожалованными крестами⁴⁷. Среди них – настоятель Донского монастыря архимандрит Евгений (Казанцев), бывший настоятель архимандрит Виктор (Прокопович-Антонский), архимандрит Гедеон, иеромонах Иларион, иеромонах Ириней, иеромонах Порфирий, иеромонах Ириней, иеромонах Филарет, священник Никита,

иеромонах Иероним, иеромонах Владимир, иеромонах Ипатий, иеромонах Мартиниан, иеромонах Анатолий.

Война 1812 г. является скорбной страницей в истории Донского монастыря. Монахи разделили со своей обителью поругание, подверглись истязаниям и лишениям. При этом они, как могли, защищали свои святыни, поддерживали друг друга. Вместе со всей Россией они скорбели о пожаре Москвы, разорении ее храмов. Глубокое уважение вызывает их христианская и гражданская позиция. Воспоминания монашествующих Донского монастыря о военном времени уникальны тем, что содержат довольно подробную информацию обо всех событиях истории Донской обители в 1812 г.: о вступлении французов в монастырь, его разграблении, постое в нем неприятельских войск и взаимоотношениях с ними, бегстве насельников из монастыря, их возвращении, очищении и восстановлении монастырских храмов. Довольно полно сохранившиеся документы архива Донского монастыря вводят в научный оборот ранее неизвестные материалы по истории Отечественной войны 1812 г., позволяют конкретизировать положение монастырей Московской епархии в этот период.

Примечания

- ¹ Например, довольно подробный указатель опубликованных источников об Отечественной войне 1812 г.: Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 год // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 577–676.
- ² *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. М., 1871. Ч. III. Кн. 2; *Он же.* Московские святыни в 1812 году. М., 1912.
- ³ *Забелин И.Е.* Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893.
- ⁴ *Дмитриев Н.В.* Донской монастырь. М., 1857.
- ⁵ *Дмитриев Д.С.* Исторический очерк Московского Богоявленского первоклассного монастыря. М., 1902. *Он же.* Московский Никитский девичий монастырь. Сергиев Посад, 1908. *Он же.* Вознесенская св. княгини Евфросинии обитель. Сергиев Посад, 1908.
- ⁶ *Токмаков И.Ф.* Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского девичьего монастыря. М., 1889. *Он же.* Московский Страстной девичий монастырь: Краткий историко-археологический очерк с рисунками. М., 1897.

- Он же.* Краткий исторический очерк Московского Ивановского девичьего монастыря. М., 1882. *Он же.* Краткий исторический очерк Московского Рождественского женского монастыря. М., 1881. *Он же.* Историческое и археологическое описание Московского Никитского девичьего монастыря. М., 1888.
- ⁷ *Снегирев И.М.* Знаменский монастырь и Палата бояр Романовых. М., 1860. *Он же.* Богоявленский монастырь в Москве на Никольской улице. М., 1864. *Он же.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1863. *Он же.* Покровский монастырь, что на убогих домах в Москве. М., 1863, 1872, 1877, 1883, 1899. *Он же.* Ивановский монастырь в Москве. М., 1862, 1864, 1877, 1883. *Он же.* Новодевичий монастырь в Москве. М., 1857.
- ⁸ *Тольчева Т.* Рассказы о 1812 годе. М., 1877; *Она же.* Рассказы старушки о 1812 годе. М., 1879; *Она же.* Рассказы очевидцев о 1812 годе. М., 1912.
- ⁹ *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX – нач. XX в. М., 2002.
- ¹⁰ *Мельникова Л.В.* Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.
- ¹¹ Путеводитель по Москве и указатель ея достопримечательностей / Сост. М.П. Захаровым. М., 1865. С. 193–196; Москва. Ея прошлое и настоящее / Сост. С.Х. Торопов. М., 1896. С. 113–114.
- ¹² Московские монастыри во время нашествия французов // Рус. арх. 1869. Кн. 2. № 8. С. 1392–1393; Там же. № 9. С. 1387–1388.
- ¹³ Описание, что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года // Там же. 1891. Кн. 3. № 10. С. 265–269.
- ¹⁴ О доставленных сведениях, о том, что происходило в монастырях московских по обстоятельствам 1812 г. // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. С. 35–48.
- ¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 5354.
- ¹⁷ Описание, что происходило...
- ¹⁸ См.: *Артюшенко М.В.* Воспоминания монахов Донского монастыря об Отечественной войне 1812 г. // Вестник церковной истории. М., 2015. № ¾ (39/40). С. 305–344.
- ¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 1–42.
- ²⁰ Там же. Д. 5355. Л. 36.
- ²¹ Там же. Д. 5351. Л. 40–42 об.
- ²² Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7734. Л. 14 об.–15.
- ²³ Разговор войскового атамана графа Платова с донским генерал-лейтенантом Иловайским 5-м и генерал-майором Карповым (1) // Рус. Вестн. 1813. № 9. С. 51–61; Памятник благочестия Донского войска и графа М.И. Платова // Отечеств. зап. 1824. Ч. 17. С. 77–90.
- ²⁴ *Горчаков Н.Д.* Описание Донского монастыря. [б. м.], 1840. С. 19–20.
- ²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 1.
- ²⁶ Архимандрит Иоанн (Терликов) (1755–1814) был переведен из Симонова монастыря на место настоятеля Донского монастыря 26 февраля 1810 г. Управлял

Донским монастырем в 1810–1814 гг. При нем в 1812 г. было нашествие французов на Москву. В 1814 г. был переведен на место настоятеля в первоклассный Николаевский Киевский монастырь настоятелем, но, по его прошению, был уволен на покой, с пребыванием в московском ставропигиальном Новоспасском монастыре; скончался на своей родине в г. Кашине в 1814 г. (Там же. Д. 7734. Л. 12 об.).

²⁷ Там же. Д. 5331. Л. 4.

²⁸ *Дубровин Н.Ф.* Указ соч. С. 116, 421–423.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 11.

³⁰ Там же. Л. 16.

³¹ Там же.

³² *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления. М., 1871. Ч. III. Кн. 2. С. 50–51.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 1.

³⁴ Русская старина. 1889. Т. 4. С. 718.

³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 31 об.

³⁶ *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 59.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 58 об.

³⁸ Там же. Д. 5325. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 5331. Л. 24.

⁴⁰ Там же. Д. 7734. Л. 14 об.–15.

⁴¹ Там же. Д. 5354. Л. 5 об.

⁴² Там же. Л. 13–13 об.

⁴³ Викторovy кельи – кельи, построенные в начале XIX в. у северных ворот монастыря архимандритом Виктором (Прокопович-Антонский; 1749–1825). Архимандрит Виктор был настоятелем Донского монастыря в 1801–1809 гг. С 11 декабря 1809 г. проживал в Донском монастыре в построенных кельях на покое. Скончался 28 апреля 1825 г., погребен в трапезе Малого собора.

⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5354. Л. 1 об. (Далее ссылки на архив даются в тексте в скобках с указанием номера листа).

⁴⁵ Подробнее см.: *Артюшенко М.В.* «Во славу веры донцов». Московский Донской монастырь и казачество // Моск. журн. 2015. № 1 (289). Янв. С. 63–74.

⁴⁶ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5331. Л. 22.

⁴⁷ Там же. Д. 5332. Л. 1–1 об.